

Схема как эквивалент вещи: деконструкция объективной реальности

Р. А. Зайнуллин

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.*

В статье рассмотрена классическая философская онтология в рамках которой заключены и социально-философские подходы к анализу общества. С целью обособления взгляда на социальность с точки зрения спекулятивного реализма предлагается рассмотреть на основе анализа классической философской методологии принципиальное различие реальности как динамического процесса становления и системы знания и как редукции реальности к мышлению. Эволюция формулировок понятия объективной реальности рассмотрена на основе принципов метафизики, кантовской философии и структурализма, как основных подходов интерпретации и систематизации акциденций вещей. В ходе обзора выявляется объективирующий принцип континентальной философии, заключающийся в выделении возможного образа в качестве сущности, определяя ею области вещей, и, соответственно, предикативность реальности к ней. Таким образом, проблематизируется синтетическое единство как концептуальная форма бытия, предикативность реальности к модели, диалектика трансцендентального основания и природы. В результате предлагается разворот от трансцендентальной редукции к имманентному становлению идентичности.

Ключевые слова: *метафизика, идеализм, абстракция, познание, иерархия, система, единство.*

Попытки дать описание различным природным, социальным и физическим процессам вначале привели человека к космогонической мифологии, а затем к мифотворчеству теогонистов и «физиков» [14, с. 8—9]. «Решительный отказ от мифологических (антропно- и зооморфных) образов и переход к чисто рациональным мотивировкам» [14, с. 9], все же не уберёг раннюю греческую мысль от витального принципа. В конечном счете, Фалес из милетской школы сформулировал принципиальный вопрос античной философии о сущности вещей: «Что есть все?».

Ответ, содержащий в себе предложения универсальных форм, единства, процессы становления и корреляции, а вместе с тем, единого логико-понятийного пространства, дали Платон и Аристотель в подходах «царства идей» и родо-видовой таксономии.

Метафизическая экспликация единства многообразия как обосновывающий и превосходящий реальность формулирующий эквивалент позволил различным дисциплинам вести дискуссию в рамках законов единой формы представлений, и её основных понятий. Данная концептуальная иерархическая система понятий характеризуется сущностной интерпретацией [1; 2; 5; 24] актуализацией через идею субъекта [12] и структурной редукцией [9; 18; 21]. Предметом интерпретации выступает актуализация реальности [4].

Метафизика. Поскольку символическая система детерминирует реальность через область пред-

ставления, приоритет универсалий перед частями [1, с. 47] Аристотель объяснял эмерджентными свойствами. В виду своей уникальности перед частями, как идеальные по отношению к вещи, они полагались как индивидуации для которой части лишь предикаты. Отсюда аристотелевское высшее понятие бытия это единичность абсолютного, восходящая через уровни тождества его предикатов, где согласно Платону, части и их отношения это становление целого [19, с. 11] для логико-рациональной мысли.

Благодаря этому, мы обнаруживаем античное описываемое понятие реальности в виде становления идеи, т. е. обнаруживаем её концептуальную экспликацию. Таким образом, вещи редуцированы к метафизической области, которая обозначает их в качестве основания. Её понятия связывают их в единый образ. Данные концентрации являются источником и способом бытия вещей в качестве отношений их форм по сущностным характеристикам.

Замкнутость онтологии идеалистической системы наглядно описана в аристотелевском понятии *энтелехии*, гласящем, что причина — это цель движения как осуществленность [2, с. 146, 246]. Части определяются как предикат субстанции через тождество множественного и концептуальную связь. Понятия, как метафизическая возможность бытия, существуют прежде своих признаков, поскольку являются одновременно причиной и целью, оборачивая становлением смысл через

реальность к идеям. Вещная реальность, в таком случае это тождество признаков к универсалиям, т. е., с одной стороны, мир вещей, а, с другой, их бытие в виде понятий, где становление обеспечивает необходимую онтологическую циркуляцию.

Антагонизм множественного и единичного через родо-видовую мембрану представлен в качестве *иерархии*. Она является способом становления сущностей, т. е. их *реализации* в виде вещей и актуализации в качестве понятий. Так, «Согласно Аристотелю, «быть» — значит «быть субстанцией, или вещью». Все другие значения бытия, как утверждает Аристотель, в конечном итоге возвращают к субстанции, поскольку абсолютно все из этих прочих форм бытия принадлежат субстанциям или становятся возможными благодаря им. Такова аристотелевская ориентация на бытие в качестве субстанции, или единичной вещи, отстаиваемая онтологией» [3, с. 73], — отмечает Леви Р. Брайант античное равенство между сущностью и бытием. Поскольку полагание субстанции происходит прежде предиката акциденции, то, по мнению авторов книги «Сложность и управление. Причуда или радикальный вызов системному мышлению?», цель концептуальной формы бытия заключается в рациональной телеологии т. е. поиске репрезентации, смысл которой служит способом связи вещей в единое представление бытия [23, р. 24].

В модели Платона-Аристотеля императивная иерархия *акциденция-субстанция-понятие* включает в скобки реальность, внутри которых описывает её как становление метафизической идеи, обозначаясь тем самым областью единства бытия реальности. Соответственно, слияние знания и предмета в идее обозначает сущность, в виде синонима истины. Схватывание отношения в идее это символический субъект бытия, «делающий возможной ту первичную фору консенсуса, какой является договоренность о смысле знаков и смысле мира, который они [средства] позволяют сконструировать» [5, с. 8], пишет Бурдье. Символическая иерархия служит прежде всего как инвариантный аспект интеграции и классификации, — являющихся инструментами целесообразной связи реальности, поскольку «они порождают смысл и консенсус о смысле с помощью логики включения и исключения» [5, с. 10].

Связь актуализируется как субстанция, акциденции которой являются *признаком* реальности. Таким образом, вещь, представлена в виде концептуального тождества реальности в единстве. В виду чего Бурдье замечает, что уровень обобщения реальности, т. е. идеи это уже самостоятельные, отдельные сущности [5, с. 556—557].

Между реальностью и её представлением находится механизм обобщения, который выделяет из реальности позиции и совокупность смыслов в виде понятия бытия. Данная модель определяет вещи как позиции в связях, т. е. позволяет обрести факт их бытия, как совокупности позиций в виде объекта [6, с. 11—16]. По этому поводу Нейман, как и Бурдье, отметил, что в процессе восприятия неопределенности, коей является многообразие вещи, «процесс субъективного восприятия является по отношению к внешнему физическому миру новой, не сводящейся к нему сущностью» [17, с. 307], ведь, объект как совмещение позиций содержательно превосходит вещь, которую он описывает. Это может быть обусловлено тем, что акциденции в отличие от сущностей не структурированы и, следовательно, не могут выступать в качестве структуры связи [3, с. 73].

Представление как «форма выражения и обобщения [в сущности — *Р. 3.*] имеющейся эмпирической информации» [5, с. 556] означает, что редукция к формальной логике происходит путем схватывания единств, создавая впечатление, что «Для классических «объектов» всегда может быть определена функция истинности и проведено различие «истинно-ложно», так что возможно утверждение, что эти свойства им присущи «объективно» и сознание не играет никакой роли» [7; 13]. В действительности же, «истина — человеческая. Ее можно назвать Майей, или иллюзией» [7; 23], поскольку заключается в соответствии субъективного знания субъективному объекту, как промежутка более сложного динамического процесса. Диланда называет подобную метафизическую иллюзию разума систематическим эссенциализмом [22, р. 28], который задает принцип познания через общие предзаданные предикаты, которые формулируют необходимые субъективные условия представлений о вещи. В таком случае проблема эссенциализма в том, что он опирается на априорный результат, обнаруживает его признаки на основании представлений о связи в других вещах, чем фокусируется лишь на построении классификаций и условий возможного опыта. В этом плане для реальности философия выступает лишь как область полагания вещи, которая описана как система её суждений, т. е. как мысль о ней.

Возможность позволяет выделить абсолютные, а значит универсальные, т. е. априорные принципы концептуального бытия. Построения тотального бытия связаны с рационалистической позицией, поскольку так субъект через обобщенные формы реальности схватывает единство доступной ему её полноты. Однако, так он обуславли-

вает её форму своими условиями, что говорит о зависимости степени объективной реальности от системы мышления субъекта: «Знание тождества и различия в понятии является предпосылкой знания тождества и различия в объекте. Из этого делается вывод, что любое первопорядковое различие между понятием и объектом должно подчиняться понятийному различию второго порядка, которое, в свою очередь, также должно концептуально подчиняться более высокому уровню, и так далее вплоть до Абсолютного Понятия» [4, с. 244].

Субъективная априорность бытия. Особенность того, что бытие обозначается в виде единства признаков реальности, заключается в субъективном аспекте, который обозначаются тем, что «картина мира в известной мере носит печать личности ее творца. Постулат объективности заменяется постулатом проективности. Мир предстает как проект» [13, с. 103]. В таком случае, «Реальность мира не пред-дана когнитивному агенту, и ее свойства не пред-заданы, она возникает в результате поисковой активности когнитивного агента и в соответствии с его когнитивными возможностями. Это — предстоящая, грядущая реальности» [13, с. 104], которая заключается в понятии объекта или, другими словами, проекта, поскольку является возможной, как единство восприятия эмпирического субъекта. Возможное бытие описывается конструктивистки, нивелируя картезианское разделение взаимным отношением. Категории обнаруживают частные аспекты бытия и поэтому служат инструментами поиска тождеств.

Таким образом, трансцендентальная философия, как суждение о реальности — это создание объекта на основе схемы его параметров. Для идеи бытия, как концептуального схватывания, категории являются инструментом детерминирования сущности в явлениях. Из этого следует, что трансцендентальное описание определяет реальность как субъективно синтезированный объект, т. е. как синтетическое тождество сознания в представлениях [12, с. 100]. Тем самым, система синтетического знания надстраивает над реальностью гносеологический аппарат, результатом которого является объект, а именно, объективная реальность, поскольку непосредственный доступ у человека имеется только к предметам восприятия, т. е. объектам из тождества реальности, другими словами, предметам мышления. Следовательно, метафизика эксплицирует через категории реальность до антиномии вещей и суждений о них, т. е. ее модели, или, другими словами, концептуального эквивалента.

По этим причинам, роль абсолютного субъекта заключается в категорическом императиве, как связи явлений в единую систему понятий, т. е. концепцию бытия. В виду этого, познание есть «схватывание нечто как нечто, как подведение объекта под понятие» [4, с. 231], в противном случае бытие реальности не раскрывается и является регистрацией соматических стимулов без значений и смыслов. Это означает, что «одна часть мира преобразует информацию из другой части мира» [4, с. 231], создавая тем самым субъективную копию реальности, а именно, понятие объективной реальности, т. е. идею бытия, поскольку структуру созерцаемого формулирует субъект [8, с. 55] где онтология подчинена структуре его мысли.

Следовательно, предмет философии это метафизика, как субъективные априорные данности [11, с. 121] и их законы, что есть подмена реальности на признак ощущения сущности или так называемый, наивный реализм. В таком случае вещь это предикат трансцендентального, т. е. истинного бытия, а именно, семантическая детерминация, а редукция к формам познания превращает концептуальную систему в конфигуративный аппарат действительности [5, с. 557], т. е. закрытую мыслительную систему субъекта, т. е. формальную логику.

Субъект не взаимодействует прямо с субстанцией вещи, он имеет дело лишь с схемой ее возможного образа в некоторый момент времени, что говорит о реальности, как о субъективном и статичном срезе опыта между некоторыми процессами её динамики. В таком случае, объект это единство содержания ограниченной плоскости, которое обозначается как результат системы условий, которые априори детерминируют реальность, фокусируясь на синонимах для осмысления. Описание отражает структуру восприятия и рассудка, его способность задавать правила для детерминации вещи. Формализация, как заключение в скобки, является способом подведения вещи под критерии познания. Субъективное обозначение вещей, т. е. их схемы, образуют единую систему трансцендентальной реальности, её возможные субъективные модели. В результате, объект обозначается как синоним реальности, и в виде схемы обозначает бытийный эквивалент вещи.

«Противопоставляя одно другому, объективный идеализм наделяет мысль самостийным онтологическим статусом. Получается, что не субъект, осваивая всеобщее, существенное, необходимое в действительности, формирует о ней понятия, а понятия, изначально концентрируя эти признаки, формируют действительность. Подлинные

отношения ставятся с ног на голову» [10, с. 314], если переносить центр существования в плоскость идеального.

Структурализм. На основе рассмотрения общества как отношений трансцендентального субъекта возник ряд конкурирующих социальных теорий, в которых инстанция социального бытия и способы его структурирования основаны на сущностных аспектах бытия. Редукция «между мыслительными структурами и действительностью» [10, с. 121] стала для социологов инструментом в поисках субстанции социальности через рассмотрение принципов отношений обозначающих социальный институт. В таком случае, понятие социального может трактоваться по-разному. Например, как априорная предзаданность, как возникающая в результате их деятельности, как медиатор между формой и акторами. В любом случае, понятие социального это нечто, которое неотделимо от индивидов и их деятельности. Вопрос лишь в том кто или что является эффектом и в свою очередь чего, т. е. заключается в определении онтологической схемы социальных отношений. Таким образом, социологи пытались обозначить направление редукции формализации.

Например, Дюркгейм наделил социальные факты атрибутами императива, поскольку, считал он, они «наделены принудительной силой» [8, с. 412]. В данном случае социальный факт, т. е. нормы, право, даже любовь, есть синоним категории, поскольку описывает феномен поведения индивида как схема социального поведения. Явление, тем самым, есть частный случай, а общество субстрат факта. Парсонс увидел эти внешне факторы [18, с. 463], которые координируют действия, в качестве структурно-функциональной системы, поскольку та «заменяет место личности в социальной системе главенствующей ролью позиции в ней актора» [15, с. 15]. Работая тем самым с социальной системой, как трансцендентальным субъектом, можно обнаружить, что его структура определяет функциональные необходимости отношений индивидов, т. е. их роли, что созвучно Канту. По этой причине Хабермас назвал её объективной связью в мире, которая придает функциональную связь коллективам [21, с. 187].

В данном случае мы наблюдаем у социологов социальную систему в качестве трансцендентального субъекта отношений индивидов, которая детерминирует их деятельность, что удобно для функционального описания феномена общества.

Рассматривая особенности описательного основоположения можно заметить, что классическая редукция, с одной стороны, представлена как описание способа идеалистической актуализации вещи, как сущности отношений, с другой, в виде осмысления условий формулирования объективной реальности (критика разума). Соответственно, через всю классическую философию проходит принципиальный разрыв между вещью и её возможным бытием, т. е. её субъективной актуализацией в виде схватывания в объекте многообразия влияний на субъекта, т. е. явлений, оставляя тем самым не рассмотренным становление имманентной структуры самой вещи. Таким образом, символическая система, обозначающая синтез через предикат связи детерминирует реальность через область её возможного субъективного полагания. Это создает необходимость деконструкции понятий субъективного формализма, как возврата к точке, за которой располагается имманентная структура реальности, т. е. вещь в себе. В таком случае, «мы должны обнаружить абсолютную необходимость, не возвращающую нас ни к какой форме абсолютно необходимой сущности», тем самым отличая абсолютизацию от абсолютистской мысли, а спекулятивизм от метафизики» [20, с. 83].

В заключение можно сказать, что для объективного идеализма реальность это область множества, в которой он обнаруживает отношения, создавая тем самым её дискурсивное бытие. Представление выступает в качестве актуализирующей надстройки реальности с целью выделения единой системной смысловой проекции. Объекты выступают как агенты между явлениями и понятиями, части определяются как признаки присутствия. Это, по мнению Квентина Мейясу, представляет собой корреляционизм картезианского типа [16], где бытие представлено как зависимость от смысла, т. е. «делает наборы свойств определяющими сущность» [22, р. 26].

Список литературы

1. Аристотель. Категории. С прил. «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / Аристотель ; пер. А. В. Кубицкого ; ред., вступ. ст. и прим. Г. Ф. Александрова. М., 1939. 120 с.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / Аристотель ; под ред. В. Ф. Асмуса. М., 1976. 550 с.
3. Брайант, Л. Р. Демократия объектов / Л. Р. Брайант ; пер. с англ. О. С. Мышкина. Пермь, 2019. 320 с.
4. Брассье, Р. Понятия и объекты / Р. Брассье // Логос. 2017. Т. 27, № 3. С. 227—262.

5. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / П. Бурдые ; отв. ред. перевода, сост. и послес. Н. А. Шматко. М. ; СПб., 2005. 576 с.
6. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. ; пер. с нем. Л. Добросельского. М., 2018. 160 с.
7. Гриб, А. А. Квантовый индетерминизм и свобода воли / А. А. Гриб // Философия науки. Вып. 14: Онтология науки. М., 2009. С. 524.
8. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук / Э. Гуссерль ; отв. ред. Я. А. Силин; пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб., 2004. 400 с.
9. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана. М., 1991. 575 с.
10. Ильин, В. В. Объективный идеализм / В. В. Ильин // Философский словарь под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 314—315.
11. Ильин, В. В. Философия : учебник : в 2 т. Т. 1 / В. В. Ильин. Ростов н/Д., 2006. 832 с.
12. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского ; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М., 1994. 591 с.
13. Князева, Е. Н. Мир ускользающих структур / Е. Н. Князева // Философия науки. Вып. 14: Онтология науки. М., 2009. С. 103—116.
14. Лебедев, А. В. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / А. В. Лебедев. М., 1989. 576 с.
15. Мантуров, О. В. Альтернативные модели структурирования социальности / О. В. Мантуров // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2011. № 2 (91). С. 11—27.
16. Мейясу, К. Время без становления : доклад в Университете Мидлсекса в рамках семинара Центра исследования современной европейской философии, организованного Питером Холлуардом и Рэем Брасье, 8 мая 2008 года / К. Мейясу; пер. с англ. А. Писарева // Гефтер. 2013. 14 февр. URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 30.11.2020).
17. Нейман, И, фон. Математические основы квантовой механики / И. фон Нейман ; пер. с нем. М. К. Поливанова и Б. М. Степанова. М., 1964. 367 с.
18. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль : тексты. М., 1996. С. 462—478.
19. Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / Платон ; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб., 2006. 632 с.
20. Тоскано, А. Против спекулятивизма / А. Тоскано // Логос. 2013. № 2 (92). С. 81—93.
21. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. СПб., 2001. 380 с.
22. DeLanda, M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity / M. DeLanda. London ; New York, 2006. 150 p.
23. Stacey R.D., Griffin D., Shaw P. Complexity and management. Fad or radical challenge to systems thinking? London; New York, 2000. 240 p.

Сведения об авторе

Зайнуллин Радомир Альбертович — соискатель степени кандидата философских наук, кафедра социальной философии, департамент философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. zainoullin@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 109—115.*

Scheme as an equivalent of thing: deconstruction of objective reality

R.A. Zaynullin

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

The article deals with the classical philosophical ontology in tendency which socio-philosophical approaches make analysis of society. In order to isolate the view of sociality from the point of view of speculative realism, it is proposed to consider the fundamental difference between reality, as a dynamic process of formation and a system of knowledge, as a reduction of reality to thinking, based on the analysis of classical philosophical methodology. The evolution of the formulations of the concept of objective reality is considered on the basis of the principles of metaphysics, Kantian philosophy and structuralism, as the main approaches to the interpretation and systematization of accidents of things. The review reveals the objectifying principle of continental philosophy, which consists in identifying a possible image as an essence, defining the area of things by it, and, accordingly, predicativeness of reality to it. Thus, synthetic unity is problematized as a conceptual form of being, the predicativity of reality to the model, the dialectic of the transcendental foundation and nature. As a result, a reversal from transcendental reduction to immanent identity formation is proposed.

Keywords: *metaphysics, idealism, abstraction, cognition, hierarchy, system, unity.*

References

1. Aristotel'. *Kategorii. S prilozheniem «Vvedeniya» Porfirija k «Kategorijam» Aristotelja* [Categories. With the Appendix of the "Introduction" of Porphyry to the "Categories" of Aristotle]. Moscow, State socio-economic publishing house, 1939, 120 p. (In Russ.).
2. Aristotel'. *Sochinenija: v 4 t. T. 1* [Works: in 4 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 550 p. (In Russ.).
3. Braiant L.R. *Demokratiya ob'ektov* [Object Democracy]. Perm, Gile Press Publ., 2019. 320 p. (In Russ.).
4. Brass'ye R. Ponyatiya i ob'ekty [Concepts and objects]. *Logos*, 2017, vol. 27, iss. 3, pp. 227—262. (In Russ.).
5. Burd'e P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Espace social: champs et pratiques]. Moscow, St. Petersburg, Aletheia Publ., 2005. 576 p. (In Russ.).
6. Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat* [Logisch-Philosophische Abhandlung]. Moscow, AST Publ., 2018. 160 p. (In Russ.).
7. Grib A. A. Quantum indeterminism and free will. *Philosophy of Science*, 2009, Issue. 14: Ontology of Science, pp. 5—24. (In Russ.).
8. Gusserl' E. *Krizis evropeiskikh nauk* [Krise der europäischen Wissenschaften]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2004. 400 p. (In Russ.).
9. Dyurkgeim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [Sur la division du travail social. Méthode de sociologie]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 575 p. (In Russ.).
10. Il'in V. V. *Ob'ektivnyj idealizm* [Objective idealism]. *Filosofskij slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. Pp. 314—315. (In Russ.).
11. Il'in V.V. *Filosofija: v 2 t. T. 1* [Philosophy: in 2 vols.. Vol. 1]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2006. 832 p. (In Russ.).
12. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 591 p. (In Russ.).
13. Knjazeva E.N. *Mir uskol'zayushchikh struktur* [The world of elusive structures]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2009, iss. 14: Ontology of Science, pp. 103—116. (In Russ.).
14. Lebedev A.V. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Chast' 1. Ot jepicheskikh teokosmogonij do vozniknovenija atomistiki* [Fragments of early Greek philosophers. Part 1. From epic theocosmogonies to the emergence of atomistics]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 576 p. (In Russ.).
15. Manturov O.V. *Alternativnye modeli strukturirovaniya sotsial'nosti* [Alternative models of structuring sociality]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki* [News of the Ural Federal University. Series 3. Social Sciences], 2011, iss. 2 (91), pp. 11—27. (In Russ.).
16. Meiyasu K. *Vremya bez stanovleniya: doklad v Universitete Midlseksa v ramkakh seminaru Tsentra issledovaniya sovremennoi evropeiskoi filosofii, organizovannogo Piterom Kholliardom i Reem Bras'e, 8 maya 2008 goda* [Time without Formation: Report at the University of Middlesex in the framework of the

seminar of the Center for the Study of Contemporary European Philosophy, organized by Peter Hallward and Ray Brassier, May 8, 2008]. *Gefter*, 2013, February 14. Available at: <http://gefter.ru/archive/7657>, accessed 30.11.2020. (In Russ.).

17. Neiman I fon. *Matematicheskie osnovy kvantovoi mekhaniki* [Mathematische Grundlagen der Quantenmechanik]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 367 p. (In Russ.).

18. Parsons T. Sistema koordinat deistviya i obshchaya teoriya sistem deistviya: kul'tura, lichnost' i mesto sotsial'nykh sistem [Action coordinate system and general theory of action systems: culture, personality and place of social systems]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow, International University of Business and Management Publ., 1996. Pp. 462—478. (In Russ.).

19. Platon. Sochinenija: v 4 t. T. 1 [Works: in 4 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, Publishing house of Oleg Abyshko, 2006. 632 p. (In Russ.).

20. Toscano A. Protiv spekulyativizma [Against speculativeism]. *Logos*, 2013, iss. 2 (92), pp. 81—93. (In Russ.).

21. Khabermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moralisches Bewusstsein und kommunikatives Handeln]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 380 p. (In Russ.).

22. DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London, New York, 2006. 150 p.

23. Stacey R.D., Griffin D., Shaw P. *Complexity and management. Fad or radical challenge to systems thinking?* London, New York, 2000. 240 p.